

ПРОТОИЕРЕЙ ЛЕОНИД САФРОНОВ

БОЖЬЯ РОСА

МОИ РОДНЫЕ СЕЛЬСКИЕ МЕСТА

А я люблю места свои родные,
Где Божий храм сияет на холме.
Есть на земле ещё места иные —
Места родные всё же ближе мне.

Здесь я купался с детства в каждой луже
И по утрам ходил с корзинкой в лес.
Есть на земле места совсем не хуже,
Но всё же лучше нет родимых мест.

Пусть кто-то где-то вечно счастье ищет,
По всей земле бродя туда-сюда,
А я хотел бы на родном кладбище
Лежать в земле до Страшного Суда,

Чтоб над моею тихою могилой
Сиял обычный деревянный крест
И освящал свою крестной силой
Все тёмные места родимых мест.

Иерей Леонид САФРОНОВ родился в 1955 году в посёлке Рудничный Кировской области. После окончания школы был студентом медицинского училища, а затем — и культпросветучилища. Служил в армии, работал в Норильске. Публиковался в местных изданиях. В 1989 году был принят в члены Союза писателей России. Автор двух стихотворных книг. В настоящее время о. Леонид Сафронов — настоятель храма во имя Святителя Николая Чудотворца в посёлке Рудничный, окормляет семь приходов близлежащих сёл, два тюремных храма, три молебные комнаты в колониях и строит ещё несколько храмов для тюрем...

И в небесах, как вестница из Рая,
Стояла полуночная звезда,
Своим высоким светом озаряя
Мои родные сельские места.

А если всё же Суд настанет Страшный
Спасётся тот лишь, чья душа чиста,
Кто принял бой смертельный рукопашный
И отстоял родимые места.

ОБЛОМОВ

Среди житейских бурь и громов,
На корабле идя ко дну,
Лежит Илья Ильич Обломов
И думу думает одну.

Уж стало море над бортами.
Забыв о Боге, о рубле,
Стоят с разинутыми ртами
Плывущие на корабле.

Иные от морского шуму
Безумно лезут из кают, —
Илье его святую думу
Во сне додумать не дают.

Уж окна сломаны у трюма,
Течёт холодная волна.
О чём его большая дума?
О малой родине она.

Где он, любовью окружённый,
И сам печётся о родне.
Корабль, водою нагружённый,
Уже давно лежит на дне.

Очнётся он на миг, зевая,
И снова беспросветно спит.
Над ним уж буря грозовая
Солёной пеною кипит.

Он думает: “Дойду до дна я,
До самых гибельных высот,
Но всё ж Обломовка родная
Меня от гибели спасёт”.

Лежит он, ничего не зная,
Что там, в далёкой стороне,
Его Обломовка родная
Уже давно лежит на дне.

БОЖЬЯ РОСА

Висит на былиночке божья роса.
Она отражает поля и леса,
И небо, и землю, и море, и сушу —
И этим похожа на светлую душу.
И всё, что на свете её окружает,
Она всей душою своей отражает.

СВЯТОЙ СЕРАФИМ, МОЛИ БОГА О НАС!

Встаёт Серафим преподобный на камень
И молится тысячу дней и ночей.
Уже от молитв превратился он в пламень,
Уж пламень идёт у него из очей.

И, может быть, кто-то недремлющим оком
Глядит, как над Русью сияет, горит...
А это с самим Вседержителем Богом
В молитвах святой Серафим говорит.

Взмахнёт он руками,
Как Ангел крылами,
Роняя на камень
Небесное пламя.

И слышит сквозь сон
Изумлённый Саров,
Как молится он:
“Свят Господь Саваоф!”

И мы голосим
Друг за другом за раз:
“Святой Серафим,
Моли Бога о нас!”

ВАРВАРИН ДЕНЬ

После службы в день Варварин
В доме, будто невзначай,
Нашей матушкой заварен
С голубою мятой чай.

“Тянет” выпечкой из печки,
И глазеет малышня,
Как в сосульки и колечки
Завивается квашня.

Вот сидим у самовара —
Лица розами цветут.
И виновница Варвара
Тоже с нами рядом тут.

Видим мы её сердечком,
Чистой детскою душой
Нашим близким человечком,
А не тётенькой чужой.

Между нас сидит святая,
Будто близкая родня,
С нами сласти уплетая
В честь Варвариного дня,

И глоточек за глоточком
Громко чай из блюдца пьёт,
И батистовым платочком
Утирает сладкий пот.

Попила, попиловала
И, неслышно, словно тень,

В небеса ушла Варвара, —
И прошёл Варварин день.

Каждый праздником доволен,
Как святой, сияет весь.
Послезавтра день Николин:
Снова будем сладко есть.

Рождество потом Христово,
А за ним — Святые дни.
Сколь у людюшка простого
Всякой на небе родни!

Отцвели ребячьи лица.
Надоело пировать.
Все гурьбой идём молиться
И валиться на кровать.

С неба снег сползает ватой,
За окошком всё в снегу
Дома пахнет сладкой мятой,
Словно лето на лугу.

ЗИМОЙ ВИФЛЕЕМСКИЕ НОЧИ ТИХИ

Зимой Вифлеемские ночи тихи,
В них звёзды пылают, как свечки.
Сидят у костра до утра пастухи,
И бродят в загоне овечки.

Сидят пастухи за питьём и едой,
О Боге ведут разговоры.
Сегодня какую-то новой звездой
Полны их бессонные взоры.

Звезда надо всею землёю горит,
Все мира концы освещает,
Как будто о чём-то большом говорит,
Великое что-то вещает.

Обычно в такие глухие часы
Не сыщешь на ёлке иголки.
В щенков обратились громадные псы,
Умолкли голодные волки.

Всё тихо на свете. Костёр уж потух.
В кустах кто-то шарится слепо.
Вдруг видит из них самый старый пастух
Сиянье, идущее с неба.

Сиянье безмолвно сошло на луга
И приняло облик телесный.
И видит пастух: это Божий слуга —
Неведомый Ангел небесный.

Тут все пастухи пробудились от сна,
Не в силах унять удивленье:
Земная природа груба и тесна
Подчас для такого явления.

И Ангел речет им великую весть:
“Сегодня родился Спаситель,
Бегите скорей в Вифлеемскую весть,
А после овечек пасите!”

“А где мы найдём, и каков он на вид?” —
Промолвил пастух помоложе.
“В такой-то пещере, в пелёнки повит
И в скотские ясли положен”.

Стоят, потрясённые этой молвой, —
Нашло на людей осененье.
Тут небо раскрылось над их головой —
И с неба послышалось пенье.

Спешат в Вифлеемскую весть пастухи,
Смольём освещая дорогу,
С собою кусок от овечьей дохи
Несут человеку и Богу.

Спешат пастухи в Вифлеем во всю прыть,
От счастья сияют их лица,
Спешат, чтоб Младенца от стужи укрыть
И в ножки ему поклониться.

ЕЛЕНА ПИОТРОВСКАЯ

“ОКРАИНЫ РОССИИ ОЗАРЯЯ”

(о поэзии сельского батюшки)

Два основных направления в нашей отечественной культуре можно обозначить коротко: почва и космос <...>. Одни идут от взрастившей их земли <...>, добираясь до всечеловеческой высоты нравственной философии. Другие — от абстрактных моделей всемирности мышления, от не ведающего границ пространства мировой культуры, пространства “любви к дальнему” <...> спускаются до конкретного человека, уже не признавая его приоритетных национальных, религиозных, социальных ценностей.

Бондаренко В. Г.

Протоиерей Леонид Сафронов — настоятель Свято-Никольской церкви посёлка Рудничный Верхнекамского района Кировской области. В этом посёлке он родился и вырос. Как священник, окормляет 11 сельских приходов, пять из

них – в колониях строгого режима, где его трудами выстроены церкви. Батюшка многим известен по самоотверженному двадцатилетнему служению в сельских поселениях и колониях, по Великоорецкому крестному ходу (он прошёл его уже 22 раза), но есть и другое его служение. Батюшка Леонид Сафронов – настоящей большой русский поэт.

Батюшка считает священство главным своим служением, а дар творчества видится ему в том, чтобы через литературу приводить людей к пониманию Бога. Для него “стихи в идеале – молитва, картина в идеале – икона”. Как священник и гражданин, Леонид Сафронов видит свою жизненную задачу так: “Спасти Россию – есть тот высший смысл, ради которого мы все явились на эту землю, единственное оправдание нашего прихода в эту жизнь”.

В творчестве Леонида Сафронова мы сталкиваемся со своеобразной поэтической летописью человечества – осмыслением проблем мироздания и всей человеческой истории в библейском контексте, от изгнания из рая первых людей:

*В страхе землю озирая
У истоков древних рек,
Бродит изгнанный из рая,
Самый первый человек...
 (“Человек”, 2002) —*

до эсхатологических предощущений современности: *Архангелов грозные трубы // Уже над землёю трубят.*

Пасхальная радость как основа русской культуры отчётливо выражена в поэзии Сафронова: *“И Христос над Россией воскреснет // С просветлённым от счастья лицом”*. Созидательное, жизнестроительное – это то, что предлагает Сафронов современному читателю.

Его поэзии присущи проникновенный лиризм, эпическая широта охвата истории Отечества, глубина и масштабность освоения национальных тем.

О. Леонида глубоко волнует всё, что связано с историей русского Средневековья как колыбели и поныне живущей Святой Руси. Его поэзия отражает постижение им самим и открывание современному читателю православной культуры во всем её объёме. Это выражается в соотносённости жанровой системы его творчества с древнерусскими образцами.

Так, героический цикл Сафронова (“Илья Муромец”, “Про Илью и змея”, “Симеон” и др.) соотносится с былинами, исторический цикл, включающий стихи о киевских князьях (“Святослав”, “Крещение Руси”, “Лето близко к увяданью” (об Игоре и Ольге), о владимирском князе Андрее Боголюбском (поэма “Знаменская”), о митрополите Алексие (“Тайдулла”), а также цикл стихов о Богородичных иконах (“Владимирская”, “Державная”, “Знаменская” и др.) соответствует жанрам летописей и сказаний. Его “Поле Куликово” напоминает старорусские воинские повести (и, в первую очередь, “Слово о полку Игореве”, “Задонщину”). Житийный цикл отражает в современной поэзии старорусские жития; Афонский цикл соответствует жанру хождений, а семейно-бытовой “поповский” цикл близок лирическому, а порой и юмористическим народным песням. Сафроновские сказки, былины, исторические песни, духовные стихи во многом близки своим древнерусским образцам сюжетно-тематически, композиционно, образной системой, изобразительно-выразительными средствами.

*Лишь однажды кликом лебединым
Встрепенётся Русь оглашена —
И опять дыханием единым
Над полями дышит тишина...*

.....
*С неба месяц сбился, как подкова.
Что нас ждёт, не видно впереди...
Жизнь прожить, что поле Куликово
За Россию в битве перейти...
 (“Поле Куликово”, 1997)*

Духовный стих Сафронова ближе к традиционному духовному стиху XI–XVI веков, нежели к религиозным произведениям классической поэзии. Житийные его стихи написаны в основном в сказовой манере и напоминают, с одной стороны, жанр стихотворной новеллы или исторической баллады, а с другой – лирическую и историческую поэму.

Тема русского богатырства особенно близка автору:

*Могучей рукой, прикипевшей к мечу
И взмахом решавшей битвы,
Из воска пудовую ладит свечу
И в келью спешит на молитвы...
(“Илья Муромец”, 2007)*

В стихотворении Л. Сафронова “Симеон” (2001) не воин, а аскет предстаёт исполином духа, героем-богатырём, потому что автор видит в нём воина Христа, который побеждает, преодолевает своё немощное естество, самого себя.

*Симеон стоит среди толпа.
Неземного семени он.
А вокруг толпа голосит толпа:
“Помолись за нас, Симеон!”...*

*...На главе его свил гнездо орёл,
На груди — лежат облака.
Всякий место в нём и на нём обрёл,
Кто на вечность, кто — на века.*

*Посреди небес он стоит, как дуб,
Все святые вокруг — толпой.
И трещит земли ослабевший пуп
Под могучей его стопой.
(“Симеон”, 2001)*

В его поэзии представлена живая – зримая и звучащая – галерея выдающихся державных строителей – весь тысячелетний облик Святой Руси (“Лето близко к увяданью” – о князе Игоре и княгине Ольге; “Святослав”; “Крещение Руси” – о князе Владимире, поэма “Знаменская” – о князе А. Боголюбском, “Владимирская” – о главной русской святыне и князе Василии; “Тайдулла” – о митрополите московском Алексии; русских покровителях семьи и брака – князьях муромских Петре и Февронии; о национальном герое XVI века Ермаке Тимофеевиче, судьба которого так тесно связана с Вяткой; О Патриархе Тихоне и Царской Семье и мн. др.). Душа поэта болит о будущем страны, и в этих личностях он находит утверждение национальной гордости, высокие воодушевляющие примеры для современников.

*Шипя, гражданская война
Из душ безродных выползала,
На храмы скалила она
Своё раздвоенное жало.*

*И била в бешенстве хвостом,
Когда, из дыма, из огня ли,
Одной молитвой и постом
Её монахи изгоняли.*

*И Патриарх всяя Руси
Святейший и Светлейший Тихон
Стенанья к Богу возносил
В каком-то изумленьи тихом.*

*Я слышал: русская земля
Уж заводила песню вдовью,
Где царь и царская семья
Христовой истекали кровью...
(Видение, 2007)*

Литература XIX века, Золотой век её, оказала огромное влияние на творчество Сафронова. Не случайны в его творчестве поэтические переключки с И. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, Ф. И. Тютчевым, А. К. Толстым, Н. В. Гоголем, Н. С. Лесковым, И. С. Тургеневым.

Отзвук тютчевской поэзии ощутим, например, в сафроновском стихотворении “Заря”:

*Как будто откровение из рая,
Внимающих за всё благодаря,
Окраины России озаряя,
Пылает полуночная заря.*

*Уж полоса зари всё уже, уже,
И вот она уже едва видна...
Померкло всё. Лишь в придорожной луже
Ещё всплывает светлое со дна.*

*Исчезло всё. Как будто не бывало...
Чем так недолго восторгалась мы?...
Как будто мрак набросил покрывало
На наши просветлённые умы...*

Вспоминаются тютчевские “Утихла биза...”: “Сияла белая гора, // Как откровеннее неземное”; “Святая ночь на небосклон взошла” (но без тютчевского ощущения богооставленности), “Весна”: “И жизни божески-всемирной // Хотя на миг причастен будь!” – и, конечно, “Невыразимое” И. А. Жуковского: “Невыразимое подвластно ль выраженью?..” – тоже в несколько полемическом аспекте. Интересно, что один из заключенных колоний, которые опекает отец Леонид, именно на эти стихи написал песню. Вторая его песня тоже содержит аспект преображения, который, видимо, был пережит этим страдающим и обновлённым человеком и выражен словами его духовного отца и поэта: “И прежняя жизнь, словно юности пух, // От нас навсегда отлетела”. Кстати сказать, в стихотворении “Симеон Верхотурский” есть авторская сентенция по этому поводу, выраженная почти по-некрасовски:

*К пути святому узкому
Нередко путь прямой
У нас народу русскому
Сумою да тюрьмой.*

Не могу не привести и такой показательный факт: в колониях перед воцерковлением до знакомства с Евангелием Л. Сафронов рекомендует своим подопечным прочесть некоторые произведения русской классики, а именно: “Капитанскую дочку” и “Евгения Онегина” А. С. Пушкина, ранние романтические повести Н. В. Гоголя, “Записки охотника” И. С. Тургенева, “Соборяне” Н. С. Лескова, “Войну и мир” Л. Н. Толстого. Как видно из перечисленных произведений, основной тематикой в них является народная религиозность и народное восприятие жизни и истории. Он полагает, что эти книги могут подготовить душу человека к восприятию слова Божьего, послужить “ступенькой к храму” (Гоголь). В одном из интервью поэт говорит: “Если бы России не стало, из одного Пушкина, как из зерна, можно было бы возродить Россию”. Из поэтов XX века ближе всего Сафронову С. А. Есенин и Н. М. Рубцов.

... “Россия” у Сафронова чаще всего – российское государство, современное или историческое, страна, территория, “тело”. “Русь” – нечто изначальное, историческое и живое, русская земля вообще, духовная сущность, сама душа России – Святая и заблудшая, былая и нынешняя, любая и любая (любимая). Все творчество Сафронова пронизывает эстетика преображения,

отражающая возможность примирения человеческой души с Богом путём очистительного покаяния. В связи с этим одним из лейтмотивов поэзии Сафронова является Фаворский свет – свет Преображения, которым Господь просиял на горе Фавор.

*Спешу до родимого храма,
А с неба на Русь, как ответ,
Низводит Григорий Палама
Фаворский немеркнущий свет...
(“Фаворский свет”, 2007)*

Незримый свет Преображения нисходит на Русь по молитвам святых. Одним из достижений поэзии Сафронова является изображение современных русских праведников, продолжающих традицию живой святости (поэма “Николай Чудотворец”, баллада “Лесниковая дочь” и др.).

*Всю б Россию пропил — только молится дочь:
“Дай нам, Боже, насущного хлеба!”
И в единую ночь в небывалую мочь
Снова бор вырастает до неба...*

Это хранители векового опыта народной жизни, верные исполнители его нравственных заветов.

По Сафронову, воскресение – возрождение России следует начинать с возрождения собственной души и с возрождения нашей кормилицы – русской деревни: *Затаилась Русь святая // На заброшенном селе.*

В его стихах явственно звучит семейное начало, столь редкое сейчас. Мы видим в его творчестве, можно сказать, апологию семьи: семья как малая Церковь (“Петр и Феврония” и др.); как совместное служение Церкви и Родине (“Ночное светило”); как общие труды и скорби (“Попадья”), как основа всего мироздания (“Лосята”); как земная полнокровная радость.

Если проследить становление стиля Сафронова от первых опытов к последним книгам, можно отметить смену жанровых предпочтений (от элегии к балладе, исторической песне, житийному стиху, поэме), расширение тематики и более глубокий подход к осмыслению основных явлений как личной, так и русской, и общемировой действительности. Всё больший интерес автора вызывает воссоздание образа национального прошлого в его соотносённости с настоящим, житийные стихи, а также стихи для детей. Это определяет образную парадигму сафроновской поэзии, особенно сближая образ святости и образ детства:

*С природой сливаться в одно,
Что только святым и поэтам,
Да маленьким детям дано...*

Сафроновский поэтический мир, как и мир русского фольклора, необыкновенно музыкален и певуч. Многозначность слов, их неожиданные сочетания, умелая звукопись формируют живые, свежие, звучащие образы: *В роще связкою ключей // допоздна звенит ручей.* На его стихи написано уже несколько десятков песен.

Мне показалось, что именно его творчество наиболее полно отражает те невидимые важнейшие духовные процессы на “окраинах России”, которые способны в духовно-нравственном отношении изменить к лучшему русскую действительность и которые пока недооценены. Об этом писал еще в 1927 году В. И. Вернадский: “Совершался и совершается огромный духовный рост, духовное творчество, не видные и не сознаваемые ни современниками, ни долгими поколениями спустя. С удивлением, как бы неожиданно для самого народа, они открываются ходом позднейшего исторического изучения”.

В одном из его стихотворений из “поповского” цикла, который я условно называю “Мелочи иерейской жизни”, лишённом литературных изысков, но пронизанном тонким юмором и самоиронией, говорится о “мечтах” сельского иерея:

*А за то, что жил убого,
Не менял служебных мест,
Я б на старости у Бога
Заслужил могильный крест.*

*Я б лежал в земле, как в ватке,
И сказал бы архиерей:
“Это был у нас на Вятке
Самый сельский иерей.*

*Самый сельский, самый бедный,
В жизни крест носил он медный,
За могильною плитой
Крест он носит золотой”.*

*Средь отцов и матерей
Спи, отец протоирей.
Спи до Страшного Суда —
Все к тебе придём сюда.
(2002)*

Пусть же настоящему русскому поэту “награды”, может быть, в виде признания, придут в его земной жизни!